MA10
231

МД10 231

Сергѣй Дурылинъ.

ЛИКЪ РОССІИ.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА
И
РУССКОЕ ПРИЗВАНІЕ.

Лекція, читанная въ 1914—16 г. въ Москвѣ, Костромѣ и Рыбинскѣ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ".
Москва—1916.

МД10 231

Сергѣй Дурылинъ.

ЛИКЪ РОССІИ.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

И

РУССКОЕ ПРИЗВАНІЕ.

Лекція, читанная въ 1914—16 г. въ Москвѣ, Костромѣ и Рыбинскѣ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ".
Москва—1916.

307/1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
932947

Тино-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1916.

ЛИКЪ РОССІИ.

Великая война и русское призваніе [1]).

I.

Цѣль и завершеніе всякой войны — побѣда: къ тому, чтобы побѣдила родная страна, направляются всѣ усилія арміи, правительства, общества и народа. Но не просто къ побѣдѣ должны стремиться государство и народъ: побѣждаетъ только тотъ, кто побѣждаетъ до конца, кто побѣждаетъ не только превосходствомъ своей воинской силы и умѣньемъ своихъ полководцевъ, не только совершенствомъ своей военно-технической организаціи, но еще и той правдой, во имя которой онъ ведетъ войну. Она великая сила и горе тому, кто не сознаетъ этого. Можетъ казаться, что побѣда даруется лишь простымъ превосходствомъ военныхъ силъ одного народа и государства надъ другимъ; но такимъ грубымъ и внѣшнимъ превосходствомъ. достигается лишь просто побѣда, а не побѣда *до конца,* побѣда во всемъ, безспорная, явная, глубокая и прочная. Такая побѣда дается лишь побѣдой правды одного народа надъ ложью другого, *побѣдою духа.* Въ 1870 г. Германія побѣдила Францію, сокрушивъ французскую армію и поколебавъ самое государство, но эта побѣда была побѣдой только оружія, а не духа, и потому Фран-

1) Лекція, читанная въ 1914—15 г. въ Москвѣ, Костромѣ и Рыбинскѣ.

ція такъ скоро могла оправиться отъ страшнаго потрясенія: ее побѣдили, но она не была побѣждена. Такая побѣда не можетъ быть побѣдой до конца: разбита армія, но не поборена та идея, которой живетъ побѣжденный народъ.

Только тотъ воистину побѣждаетъ, кто знаетъ, во имя чего онъ ведетъ войну, кто знаетъ свое призваніе и вѣдаетъ, что оно ведетъ его къ цѣлямъ благимъ и нравственно-высокимъ.

Какъ бы побѣдно ни развѣвалось воинское знамя, предшествующее полкамъ, оно лишь тогда можетъ привести къ полной побѣдѣ, когда само идетъ вслѣдъ за другимъ, предшествующимъ ему, знаменемъ: знаменемъ благого народнаго призванія, на которомъ начертаны слова, освѣщающія историческій путь народа.

Подъ какимъ же знаменемъ воюетъ Россія?

Вотъ вопросъ, искать отвѣтъ на который должны мы всѣ. Начертано ли на этомъ знамени имя Христово или, быть можетъ, имя иное? И чей образъ изображенъ на немъ? Лишь вѣрность этому знамени опредѣляетъ самый успѣхъ другихъ, безчисленныхъ воинскихъ знаменъ, носимыхъ передъ полками; если на *этомъ* знамени написана ложь, оно не поможетъ и тѣмъ, другимъ знаменамъ,—тогда и они развѣваются во имя лжи и ведутъ черезъ временныя побѣды къ вѣчному пораженію.

Народъ и нація въ цѣломъ, какъ и каждый отдѣльный человѣкъ, долженъ имѣть свое опредѣленное духовное лицо, долженъ имѣть и знать свое призваніе. Исторически существуетъ и помнится памятью человѣчества только тотъ народъ, который имѣлъ свое лицо въ исторіи и осуществлялъ свое призваніе, тѣмъ самымъ участвуя въ историческомъ процессѣ всего человѣчества. Народовъ „безъ лица“ не хочетъ знать исторія, потому что ей нечего запомнить отъ нихъ: это какъ бы не бывшіе, не существовавшіе никогда народы. Есть и иные

народы,—совершившіе въ своемъ существованіи нѣкую историческую ложь, не разгадавшіе своего призванія, ошибившіеся въ немъ: они полезны для человѣчества лишь своими поучительными ошибками, а не положительнымъ историческимъ дѣйствованіемъ.

Понять свое призваніе—значитъ для народа осознать свой историческій путь, сознательно избрать то или другое его направленіе. Это осознаніе своего пути въ исторіи, это пониманіе своего призванія народъ не долженъ совершать такъ, чтобы оно удаляло его отъ началъ правды и добра: наоборотъ, самое пониманіе своего призванія должно для народа явиться пониманіемъ пути добра и правды въ исторіи. Въ этомъ отношеніи путь народа и государства не разнится отъ пути отдѣльнаго человѣка: внѣ связи съ началами добра и правды не можетъ быть осуществлено никакое призваніе на землѣ, ибо ни одна человѣческая жизнь не можетъ быть изъята изъ подчиненія этимъ началамъ истинной духовной свободы.

Что съ отдѣльнымъ человѣкомъ, то и съ цѣлымъ народомъ, хотя область поведенія перваго обнимается понятіемъ „этика", второго — „политика". „Полное раздѣленіе между нравственностью и политикой, — писалъ Вл. С. Соловьевъ,—составляетъ одно изъ господствующихъ заблужденій и золъ нашего вѣка.

„Съ точки зрѣнія христіанской и въ предѣлахъ христіанскаго міра эти двѣ области — нравственная и политическая,—хотя и не могутъ совпасть другъ съ другомъ, однако, должны быть тѣснѣйшимъ образомъ связаны. Какъ нравственность христіанская имѣетъ въ виду осуществленіе царства Божія внутри отдѣльнаго человѣка, такъ христіанская политика должна подготовлять пришествіе царства Божія для всего человѣчества, какъ цѣлаго, состоящаго изъ большихъ частей—народовъ, племенъ и государствъ" [1]).

---

[1]) Собр. Сочин., т. V, изд. 2, стр. 7.

Призваніе народное (говорю о народѣ христіанскомъ) поэтому можетъ быть понято только въ согласіи съ этой основной христіанской задачей въ мірѣ—служить пріуготовленію царства Божія,—понято только *религіозно*. Призваніе народа—это Божій замыселъ о немъ, о назначенной ему долѣ участія въ общечеловѣческой работѣ, направленной на ростъ добра въ мірѣ, на преображеніе человѣчества въ Богочеловѣчество; разгадать этотъ Божественный замыселъ и, подчинившись, послужить ему—это и значитъ для христіанскаго народа понять свое призваніе и осуществить его.

Подобное пониманіе своего національнаго призванія одно только возможно для христіанскаго народа, потому что только оно учитъ покорности Богу, а не себѣ, Божественному замыслу, а не собственному произволу. Всякое иное пониманіе національнаго призванія было бы языческимъ, недостойнымъ христіанскаго народа, ибо оно требовало бы поступковъ и дѣйствій не во имя Божіе, а во имя свое.

Ученіе о русскомъ народно-государственномъ призваніи съ еще неоцѣненнымъ глубокомысліемъ и широтой было развито славянофилами—И. Кирѣевскимъ, Хомяковымъ, К. Аксаковымъ, Ю. Самаринымъ. Ихъ пониманіе всемірно-историческаго призванія Россіи исходитъ изъ той основной мысли, что русскій народъ—христіанскій народъ и никакого другого призванія у него быть не можетъ, кромѣ какъ призванія христіанскаго, которое одинаково предстоитъ передъ отдѣльнымъ человѣкомъ и цѣлымъ народомъ. Эту мысль выражалъ *К. С. Аксаковъ*, когда писалъ: „Нравственный подвигъ жизни предлежитъ не только каждому человѣку, но и народамъ, и каждый человѣкъ, и каждый народъ рѣшаетъ его по-своему, выбирая для совершенія его тотъ или другой путь“[1]). *А. С. Хомяковъ* подробнѣе развивалъ

[1]) К. С. Аксаковъ. Сочин., т. I, изд. И. Аксаковымъ.

ту же мысль: „Всякая истина многостороння, и ни одному народу не дается ее осмотрѣть со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ истинамъ. Общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а по народамъ: каждому своя заслуга передъ всѣми, и служеніе народности есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому. Тотъ, кто себя посвятилъ высочайшему изъ всѣхъ служеній, кто болѣе всѣхъ отвергъ отъ себя тѣсноту своего народа, сказалъ: „я хотѣлъ бы самъ лишиться Христа, только бы братья мои по крови къ Нему пришли". Никто не произносилъ никогда слова любви пламеннѣе этого слова. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія" [1]). Объ этомъ взаимоотношеніи національнаго и общечеловѣческаго, которое, если станетъ истинно-христіанскимъ, поведетъ не ко враждѣ и борьбѣ ихъ, а къ сліянію и единству, превосходно писалъ *Вл. С. Соловьевъ*: „*Сверхнародное* не есть *безнародное*. И здѣсь имѣетъ силу слово Божіе: только тотъ, кто положитъ душу свою, сохранитъ ее, а кто бережетъ душу свою, тотъ потеряетъ ее. И народъ, желающій во что бы то ни стало сохранить душу свою въ замкнутомъ и исключительномъ національнизмѣ, потеряетъ ее, и только полагая душу свою въ сверхнародное дѣло Христово, народъ сохранитъ ее" [2]).

По ученію славянофиловъ,—здѣсь чрезвычайно близкому къ пониманію самого русскаго народа,—всякій народъ христіанскій есть послушникъ воли Божіей. Народъ не самовластенъ въ выборѣ своего призванія, и горе тому народу, который пойметъ свое призваніе, какъ исполненіе своей воли, а не подчиненіе Божіей. Онъ самообожествитъ себя и погибнетъ. Изъ исторіи мы знаемъ судьбу такого

[1]) А. С. Хомяковъ. Сочин., т. I, стр. 550—78.
[2]) Собр. сочин., т. V. изд. 2, стр. 13.

народа: Римская имперія пала, провозгласивъ народъ—Богомъ, ибо въ Римѣ Populus Romanus значило, безспорно, Deus Romanus. Такой народъ самъ избираетъ себя судьей своего историческаго дѣланія, самъ опредѣляетъ, въ чемъ добро и зло его призванія, самъ указываетъ себѣ нравственныя нормы: отмѣняетъ однѣ, создаетъ другія, подчиняясь своему своеволію. Пути его историческаго дѣйствованія не исправляются никакимъ подчиненіемъ безсмертнымъ руководящимъ началамъ добра и правды, ибо добро и правда—онъ самъ. Объявивъ себя Богомъ, онъ въ дѣйствительности отрекается тѣмъ самымъ отъ Божескаго—отъ исполненія Божественной мысли, призвавшей его къ бытію,—и тогда гибнетъ, не имѣя возможности противопоставить сокрушающей его грубой силѣ завоевателей никакой правды внутренней, во имя которой ему, по Божественному промыслу, надлежало бы *быть*. Народъ, обожествившій силу, долженъ роковымъ образомъ испытать на самомъ себѣ безсиліе этой силы. Языческое пониманіе національнаго призванія учитъ своекорыстной исключительности, безмѣрной національной самонадѣянности, покоющейся на увѣренности въ собственной несокрушимой силѣ, не признающей подчиненія никакимъ высшимъ началамъ. Подобное пониманіе своего призванія свойственно было всѣмъ народамъ *до* пришествія Христа; въ Римѣ оно нашло свое совершенное выраженіе и совершенное же обличеніе въ паденіи желѣзнаго кумира Римскаго народа-бога (populus-deus).

II.

Языческое пониманіе національнаго призванія со страшной силой возрождено нынѣ Германіей. Въ основу бытія современной Германіи положена идея *силы*, идея самообожившаго *государства*, самопоклонившагося *народа*. Нѣтъ во всей Германіи популярнѣе пѣсни, какъ знаменитая пѣсенка:

Deutschland, Deutschland über alles,
Über alles in der Welt.

Въ ней, въ простой и всѣмъ понятной формѣ, выражена по истинѣ страшная и по истинѣ языческая мысль: въ ней нѣмецкое государство поставлено выше *всего* въ мірѣ,—значитъ, не только выше началъ добра и истины, но и выше *самого Бога*—надъ *всѣмъ* (über alles).

Эта пѣсенка оттого такъ исключительно популярна въ Германіи, что она выразила подлинное жизнечувствіе современной Германіи,—то самое жизнечувствіе, которое нашло себѣ выраженіе въ трактатахъ ученыхъ и мыслителей, въ рѣчахъ политическихъ дѣятелей, въ проповѣдяхъ пасторовъ, въ словахъ самого императора, наконецъ, въ страшныхъ дѣяніяхъ германской арміи,—во всемъ этомъ звучитъ одинъ мотивъ: „Deutschland über alles!".

На тотъ путь, по которому идетъ теперь Германія и который вызываетъ теперь негодованіе всего не-германскаго и не-турецкаго человѣчества, она вступила уже давно: съ самой середины XIX ст., съ того времени, какъ зародилась Германская Имперія. Всю жизнь почти проведшій въ Германіи и близко знакомый съ ея политической жизнью, нашъ великій поэтъ и дипломатъ Ѳ. И. Тютчевъ, присутствуя при самомъ зарожденіи Германской Имперіи, пророчески предуказалъ всѣ страшные этапы ея будущаго пути: „Принципъ, выражаемый Германскою Имперіей,—говорилъ онъ,—есть принципъ древняго Рима, но тѣмъ болѣе ужасный на практикѣ, что матеріаломъ для новаго языческаго Рима призвано послужить общество, просвѣщенное христіанствомъ. Это возведеніе сызнова въ апоѳеозъ голаго, бездушнаго и потому безнравственнаго государственнаго начала, это узаконеніе и освященіе насилія, этотъ милитаризмъ, какъ вѣнецъ современнаго гражданскаго развитія,—все это уже начинаетъ оказывать свое вредное вліяніе и на государства, лежащія за предѣлами Германіи". Мы

знаемъ теперь, какое это было вліяніе, и вмѣстѣ съ Тютчевымъ повторимъ его заключеніе: „Но, конечно, этотъ принципъ Германской Имперіи можетъ пользоваться только временнымъ, хотя бы болѣе или менѣе долгимъ успѣхомъ“ [1]).

Побѣды надъ Даніей (1864 г.), Австріей (1866 г.) и Франціей (1870 г.), создавъ Германскую Имперію, создали ея идеологію—культъ грубой силы, обожествленной и превознесенной. Создатель Германской Имперіи, Бисмаркъ далъ и формулу этому исповѣданію въ знаменитыхъ словахъ: „Сила—есть право“ [2]).

Если древній языческій Римъ, покоясь на силѣ, создалъ понятіе права, то Германія, согласившись со своимъ вождемъ, что „сила есть право“, вернулась къ жизнечувствію еще болѣе языческому, чѣмъ у самого Рима. Преклоненіе передъ силой есть самая существенная черта современной Германіи; государство и нація обусловливаются въ своемъ существованіи только силой, поэтому сила есть верховное начало—нѣкій Богъ. „Нѣмецкое государство есть государство побѣдоносное: вслѣдствіе этого оно стало для нѣмца *идоломъ, земнымъ богомъ*. Превращеніе государства въ земного Бога — одна изъ самыхъ грубыхъ формъ идолослуженія; поэтому неизбѣжнымъ результатомъ ея является то *общее пониженіе уровня духовной* жизни, которое замѣчается въ Германіи за послѣднее полустолѣтіе“ [3]),—то самое пониженіе, про которое Ницше выразился: „Германія отъ побѣдъ поглупѣла“.

Германское призваніе — въ руслѣ подобнаго жизнеощущенія—свелось къ весьма простому стремленію—весь

[1]) Ив. С. Аксаковъ, Ѳ. И. Тютчевъ. Біографія. М. 1874, стр. 240.

[2]) Замѣчательно, что знаменитый нѣмецкій теоретикъ права Іерингъ всецѣло воспринялъ эту Бисмаркову формулу, создавъ такое опредѣленіе права: „Право есть политика силы“.

[3]) Кн. Е. Трубецкой. Что съ ними сдѣлалось? „Русс. Вѣд.“ 1914 г., № 277.

міръ сдѣлать Германіей, ибо самое понятіе Германія стало синонимомъ для всего высшаго и прекраснаго. „Всегерманія“—вотъ къ чему долженъ итти міръ. Германцы—высшая раса: *значитъ*, всѣ остальные народы, низшіе по своему интеллекту, если захотятъ приблизиться къ высшей культурѣ, должны слиться съ этой высшей расой. Расовое превосходство германцевъ надъ всѣми другими европейцами, не говоря уже объ азіатскихъ и африканскихъ народахъ, составило предметъ изслѣдованія выдающихся севременныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, пожертвовавшихъ строгостью и научной чистотой своихъ выводовъ своему государственному культу. Замѣчательный нѣмецкій писатель Х. С. Чемберлэнъ въ своей книгѣ „Die Grundlagen des Neunzehntes Jahrhunderts“, имѣвшей совершенно исключительный успѣхъ, пишетъ: „Германецъ является душой современной европейской культуры. Истинная исторія человѣчества начнется съ того времени, когда германецъ приступитъ къ собиранію подъ свою могущественную руку наслѣдія древности“,—подъ которымъ Чемберлэнъ разумѣетъ едва ли не всѣ народы Европы, которые почти всѣ, по его мнѣнію, были нѣкогда подъ властью германцевъ. Самый типъ германца, по мнѣнію нѣмецкихъ антропологовъ, представляетъ собою предѣльный по совершенству типъ арійца и вообще человѣка. Высокорослость, бѣлокурость, голубоглазость, удлиненная голова (долихоцефалія), продолговатость лица, свойственныя германцамъ, служатъ, по ихъ утвержденію, прямымъ подтвержденіемъ тому. Этотъ германскій типъ былъ занесенъ готами, франками, лонгобардами въ другія страны—во Францію, Италію, Испанію; эти драгоцѣнныя капли германской крови были влиты въ другіе народы и имъ, этимъ немногимъ каплямъ германскаго генія, исключительно обязаны всѣ другіе европейскіе народы всѣмъ лучшимъ и геніальнымъ, что есть у нихъ,—иначе говоря, всей своей культурой. Хорошо извѣстный

и у насъ въ Россіи антропологъ и мыслитель Л. Вольтманъ опубликовалъ недавно два сочиненія: „Die Germanen und die Rennaissance in Italien“ (1905 г.) и „Die Germanen in Frankreich“ (1907). Въ этихъ сочиненіяхъ онъ доказываетъ слѣдующую мысль: величайшіе геніи Италіи и Франціи почти сплошь — потомки германцевъ; пока сильна и свѣжа была германская кровь въ людяхъ этихъ двухъ странъ, тамъ рождались великіе писатели, художники и ученые, и культура Франціи, Италіи и всего романо-латинскаго міра стояла очень высоко; когда же вліяніе нѣмецкой крови оскудѣло, когда сквозь итальянца и француза пересталъ просвѣчивать нѣмецъ, культура латинскихъ странъ окончательно и безповоротно пала. Вольтманъ подробно доказываетъ, что всѣ великіе геніи Италіи — Данте, Тассо, Аріосто, Боккачіо, Микель Анджело, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тиціанъ, Савонаролла, Христоформъ Колумбъ, Галилей, Джордано Бруно, Канова, Верди, даже самъ ненавистникъ нѣмцевъ, національный герой Италіи Гарибальди — были германцами по крови и типу. Самыя ихъ прозвища, по мнѣнію Вольтмана, нѣмецкія: такъ, Леонардо да Винчи — это потомокъ нѣмцевъ Winke, у Рафаэля Санти былъ предокъ нѣмецъ Sandt, самъ Гарибальди — не болѣе, какъ потомокъ нѣмецкой фамиліи Garipalt. Что съ Италіей, то и съ Франціей: тамъ тоже всѣ геніальные люди геніальны отъ того, что въ нихъ кровь нѣмецкая: полководцы, философы, поэты, ученые Франціи—всѣ нѣмецкаго происхожденія: таковы, напр., Кондэ, Мазаринй, Монтень, Декартъ, Мольеръ, Вольтеръ, Руссо, Робеспьеръ, Наполеонъ I, Лавуазье, Кювье, В. Гюго. Такимъ образомъ, все итальянское Возрожденіе, вся многовѣковая французская культура оказывается дѣломъ никакъ не итальянскаго и французскаго народа, а одного лишь нѣмецкаго, ибо, по современному нѣмецкому воззрѣнію, совершенное и прекрасное можетъ быть только нѣмец-

кимъ. Ходъ мнимонаучныхъ разсужденій Вольтмана совершенно ясенъ: именно эта предпосылка, что все совершенное есть нѣмецкое, заставляетъ его во всемъ, что̀ есть въ европейской культурѣ прекраснаго и совершеннаго, искать нѣмецкихъ рукъ и крови.

Предѣльной и кощунственной нелѣпости это стремленіе огерманить весь міръ и подмѣнить человѣчество Всегерманіей достигаетъ въ разсужденіи другого нѣмецкаго писателя—Реймера. Въ своей книгѣ „Ein Pangermanisches Deutschland“ („Всегерманская Германія“) онъ имѣетъ смѣлость антропологически и филологически доказывать, что самъ Іисусъ Христосъ былъ германецъ. Къ этому нелѣпому утвержденію его склоняетъ совершенство физическаго типа Господа Христа; но такъ какъ совершеннымъ типомъ на землѣ всегда былъ и есть типъ германскій и типъ арійца, предка германцевъ, то и Христосъ долженъ былъ быть не іудеемъ по плоти, а арійцемъ, предкомъ германца. Самое имя Іисусъ—Jesus,—для языческой невѣжественной филологіи Реймера равнозначуще филологически имени germann, Іисусъ—это и значитъ Германецъ.

Германцы—высшая совершеннѣйшая раса. Она призвана учить міръ. Всѣ остальные народы лишь простая почва, на которой должны взойти пышные германскіе всходы. Это безграничное самовозвеличеніе германскаго народа началось гораздо раньше созданія Германской Имперіи.

Оно вовсе не есть случайная похвальба патріотовъ, утвержденіе немногихъ, домыслъ плохихъ ученыхъ,—оно утвержденіе всего народа, раздававшееся съ устъ его лучшихъ представителей. Еще въ началѣ XIX ст. Фихте высказалъ въ знаменитыхъ своихъ „Рѣчахъ къ нѣмецкому народу“ (Reden an die deutsche Nation) эту антихристіанскую и страшную по своей гордынѣ мысль. Онъ сказалъ въ лицо своему народу: „Das deutsche

Volk in dem Gesammtwerthe seiner Kräfte weitaus das erste Volk der Welt ist!"—„нѣмецкій народъ въ совокупности его силъ есть первый народъ въ мірѣ"! Еще рѣзче подчеркнулъ это Фихте, сказавъ, что „Нѣмецкій народъ—это „Я" народовъ"—„das Ich unter den Nationen".

Въ человѣкѣ главное его „я": оно приказываетъ, все остальное въ человѣкѣ повинуется ему. Такъ должно быть и въ человѣчествѣ: его „Я" — Германія, значитъ, дѣло человѣчества повиноваться этому своему „Я" — Германіи. Въ этомъ—вся культурная задача человѣчества. Этотъ выводъ изъ утвержденія Фихте со всею послѣдовательностью былъ сдѣланъ позднѣйшими германцами; весь ужасъ современной войны тому свидѣтельство.

Профессоръ берлинскаго университета Адольфъ Лассонъ писалъ на шестомъ мѣсяцѣ войны: „Нельзя оставаться нейтральнымъ по отношенію къ Германіи и германскому народу. Можно лишь или считать Германію наиболѣе совершеннымъ политическимъ организмомъ, который когда-либо существовалъ въ исторіи, или желать ея разрушенія. Мы въ нравственномъ и умственномъ отношеніи выше всѣхъ остальныхъ, и намъ нѣтъ равныхъ. Наша армія,—это изображеніе въ уменьшенныхъ размѣрахъ разума и нравственности германскаго народа. Мы должны пожертвовать лучшими изъ насъ въ войнѣ противъ варваровъ-русскихъ, торгашей-англичанъ и фанатиковъ-бельгійцевъ. Намъ не въ чемъ оправдываться, ибо мы—не народъ насильниковъ. Мы дѣлаемъ добро всѣмъ. Лувэнъ не былъ разрушенъ нами, мы сожгли лишь дома убійцъ, Реймсскій соборъ вовсе не былъ разрушенъ. Германія учитъ весь міръ руководствоваться въ политикѣ голосомъ совѣсти и вести войну въ лойальныхъ формахъ. Англія идетъ къ своей погибели. Россія не должна впредь оставаться нашей сосѣдкой. На этотъ разъ мы не оставимъ никакихъ слѣдовъ прошлаго и все передѣлаемъ заново. У насъ нѣтъ

друзей. Всѣ боятся насъ, считая насъ опасными, потому, что мы умны и энергичны и въ нравственномъ отношеніи стоимъ выше всѣхъ остальныхъ. Мы — наиболѣе свободный народъ въ мірѣ, ибо мы умѣемъ повиноваться. Нашъ законъ — разумъ, наша сила — сила ума, наша побѣда будетъ побѣдой мысли. Мы правдивы, наши отличительныя свойства — человѣчность, мягкость, совѣстливость, — христіанскія добродѣтели. Въ мірѣ, гдѣ господствуетъ зло, мы—представители любви, и Богъ—съ нами!“ [1])

Въ этихъ строкахъ, въ которыхъ каждое слово въ дѣйствительности имѣетъ смыслъ обратный тому, который придаетъ ему Лассонъ, сказался съ предѣльной ясностью весь отвѣтъ Германіи на всеобщее негодованіе, возбуждаемое ею нынѣ. Германія не можетъ прегрѣшить, она стоитъ на вершинѣ человѣческой нравственности и правды, ибо она — Германія, поэтому все, что́ она дѣлаетъ, нравственно, прекрасно, хорошо. Наоборотъ, все не нѣмецкое, и въ особенности, все славянское, не можетъ не быть плохимъ, слабымъ и низшимъ. Гегель въ своей „Философіи исторіи“ не находилъ нужнымъ говорить о славянахъ, „ибо они составляютъ нѣчто среднее между европейскимъ и азіатскимъ духомъ“. [2]) Менцель утверждалъ: „германизація тождественна съ цивилизованіемъ и облагораживаніемъ“. Чрезвычайно популярный историкъ Трейчке выражалъ общую мысль, когда писалъ: „Всѣ попытки славянъ къ освобожденію отъ нѣмецкаго господства безполезны, безсмысленны, тщетны и заранѣе осуждены исторіей. Въ случаѣ временной удачи потеряли бы сами славяне, лишившись необходимаго имъ руководства *назначенныхъ*

[1]) Письмо А. Лассона помѣщено въ амстердамской Revue Hollandaise. Цит. по „Русск. Вѣдом.“, 1914 г. № 259.

[2]) В. И. Ламанскій. Объ историч. изученіи греко-славянс. міра въ Европѣ. Спб., 1871 г., стр. 62.

имъ Провидѣніемъ повелителей, учителей и обуздателей (Bezwinger, Lehrer, Zuchtmeister), а исторія человѣчества сдѣлала бы огромный шагъ назадъ". [1]) Эту же мысль выразилъ съ величайшимъ цинизмомъ и знаменитый Моммсенъ, призывая нѣмцевъ быть жестокими съ чехами: „чешская башка разумныхъ доводовъ не принимаетъ, но для ударовъ и она доступна". [2]) Нѣмцы не затрудняются сдѣлать отсюда теоретическій выводъ, нынѣ практически осуществляемый войною. Вотъ онъ словами столь цѣнимаго Вильгельмомъ II того же Трейчке. „Если міръ хочетъ мира, то онъ долженъ примириться съ мыслью, что теперешняя германская имперія лишь проходной пунктъ къ болѣе совершенной, къ средне—европейской имперіи". [3])

„Нѣмцы просто-напросто *не чувствуютъ и не представляютъ себѣ* чужого патріотизма, — говоритъ кн. Е. Н. Трубецкой. — Они остаются въ полномъ убѣжденіи, что служить германскому государству и для другихъ народовъ — благодѣяніе; имъ совершенно непонятно, какъ это другіе отказываются отъ высшаго счастья — быть нѣмцами" [4]). Что кн. Трубецкой совершенно вѣрно подмѣтилъ эту характернѣйшую нѣмецкую черту, свидѣтельствомъ служатъ слова знаменитаго основателя „научнаго соціализма" Карла Маркса, которому, казалось бы, не къ лицу такое утвержденіе: „Цивилизаторская мощь Германіи выражается въ ея физической и интеллектуальной способности ассимилировать своихъ сосѣдей. Эта тенденція къ поглощенію другихъ, проявляемая нѣмцами, была всегда, да и теперь еще оказывается

---

[1]) Тамъ же, стр. 104, 128—9. Курсивъ нашъ.

[2]) В. Бузескулъ. Современ. Германія и нѣмец. историч. наука XIX ст.". „*Русс. мысль*", 1915 г. № 2, стр. 41.

[3]) А. Коральникъ. Германская идея. „*Рус. Мысль*", 1914 г. № 12, стр. 48.

[4]) Кн. Е. Н. Трубецкой, цит. статья, № 279.

однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ, какими цивилизація распространяется на восточную часть Европейскаго континента", т.-е. на Россію. По Марксу, задача Германіи въ томъ, чтобы, сокрушивъ, пріобщить Россію къ благу стать нѣмцами. „Ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущаго,—говоритъ онъ.—Ненависть къ русскимъ была и остается у нѣмцевъ основной революціонной страстью" [1]). Императоръ Вильгельмъ сошелся тутъ съ соціалистомъ Марксомъ, сказавъ, что славянство и Россія лишь — навозъ, который удобряетъ землю, чтобы на ней расцвѣла прекрасная роза— Германія.

III.

Догматъ непогрѣшимости, исключительнаго призванія, божественнаго избранія Германіи былъ утвержденъ. Страна и народъ стали жить имъ—осуществлять свое призваніе. Что же удалось имъ осуществить, въ чемъ же проявилась страшная сила языческаго самоизбранничества цѣлаго народа?

Въ огромномъ накопленіи грубой силы—въ томъ самомъ накопленіи силы, которое испытываютъ теперь на себѣ почти всѣ народы Европы,—*и въ убыли духовной пищи народа, въ упадкѣ его духовныхъ силъ, въ его душевномъ оскудѣніи* [2]). „Въ служеніи нѣмецкому государству для средняго нѣмца сосредоточилось все—и нравственность, и умственная жизнь; этимъ культомъ государства, ставшимъ почти религіей, для него окончательно опредѣлился тотъ горизонтъ, за предѣлами ко-

---

[1]) Цитир. по статьѣ Г. Лагарделля. Завѣты 1913 г. № 2 и 3.

[2]) Это поклоненіе силѣ исповѣдуется въ современной Германіи съ откровеннымъ цинизмомъ. Вотъ, напр., слова историка Греціи Белоха: „только тотъ будетъ имѣть успѣхъ въ борьбѣ за могущество, кто въ состояніи, если это нужно, отбросить нравственныя сомнѣнія. Успѣхъ—послѣдній и единственный судья въ историческихъ вещахъ". Бузескулъ, цитир. статья, стр. 54—5.

тораго онъ ничего не видѣлъ, не понималъ, не признавалъ и не чувствовалъ". (Кн. Е. Трубецкой.)

За послѣдніе 40 лѣтъ—за годы своего могущества—что создала Германія въ области духа?

Въ религіи, въ своемъ пониманіи христіанства, Германія пошла назадъ даже сравнительно съ началомъ XIX столѣтія... Человѣческое „я", предоставленное самому себѣ, антихристіанское въ своей обособленности, ставшее единственнымъ мѣриломъ религіозной истины, привело къ тому, что Германія стала классической страной атеизма или плоскаго расхожаго матеріализма. Полное отсутствіе сколько-нибудь цѣнной творческой религіозной мысли поражаетъ въ современномъ лютеранскомъ богословіи. Религіозная жизнь Германіи необыкновенно бѣдна, зато необыкновенно богата ея антирелигіозная дѣятельность. Именно изъ Германіи исходили всѣ наиболѣе рѣзкія и въ то же время поверхностныя осужденія христіанству: имена Фейербаха, Штрауса, Геккеля, Древса общеизвѣстны. Именно Германія изъ научной работы надъ изслѣдованіемъ библейскихъ и новозавѣтныхъ текстовъ, производящейся во всѣхъ христіанскихъ странахъ, одна сдѣлала школу истиннаго Богоразрушенія, философски невѣжественнаго, религіозно безсильнаго: стоитъ вспомнить, что только въ одной Германіи могли договориться до отрицанія самаго существованія Христа.

Въ области философіи современная гордая Германія довольствуется лишь слабыми, хотя и громко звучащими перепѣвами философскихъ мотивовъ прежнихъ философовъ—Канта, Фихте, Гегеля, да объемистыми комментаріями на нихъ. Въ наукѣ германской „поражаетъ оскудѣніе *общихъ идей* и преобладаніе мелочныхъ детальныхъ изслѣдованій" (кн. Е. Трубецкой). Нѣмецкое искусство слова за сорокъ лѣтъ не могло выдвинуть ни одного имени, достойнаго стать на ряду съ именами Достоевскаго, Толстого, Флобера, Мопассана, Кардуччи,

Верхарна, Ибсена. Въ музыкѣ, нѣкогда составлявшей истинную гордость нѣмецкаго народа, гегемонія давно перешла къ другимъ странамъ, и имена самыхъ прославленныхъ современныхъ нѣмецкихъ композиторовъ— Штрауса и М. Регера — тускнѣютъ и блекнутъ рядомъ съ подлинно-творческими именами Грига, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго, Дебюсси.

Указанные факты свидѣтельствуютъ объ упадкѣ творчества, объ угасаніи духа въ современной Германіи: все приносится въ жертву идолу силы, государства, могущества. На остальныя и важнѣйшія сферы человѣческой дѣятельности уже не хватаетъ ни силъ, ни воли, ни чувства. Ущербъ духа сквозитъ въ каждомъ дѣяніи нѣмцевъ на войнѣ, въ каждомъ словѣ ихъ оправданій по поводу войны. Происходитъ какое-то общегерманское объединеніе въ злѣ всѣхъ—профессора Гарнака и императора Вильгельма, прусскаго вахмистра и писателя Гауптмана: всѣ начинаютъ мыслить по-одинаковому, чувствовать по-одинаковому, такъ что не отличишь, гдѣ кончается профессоръ и начинается вахмистръ. Извѣстное заявленіе нѣмецкихъ ученыхъ, подписанное именами Вундта, Гарнака, Лампрехта и др., оправдываетъ нѣмецкія звѣрства и разрушенія съ такой же циничной смѣлостью и ложью, какъ заявленіе какого-нибудь бранденбургскаго капрала, уличеннаго въ грабежѣ и разбоѣ. Культурный обликъ и отвратительный исподъ варвара — вотъ образъ современной Германіи.

Оправдались пророческія слова величайшаго изъ нѣмцевъ, *Гёте:* „Мы существуемъ лишь со вчерашняго дня и можетъ пройти еще нѣсколько столѣтій прежде, чѣмъ сдѣлается всеобщимъ достояніемъ столько духа и культуры, что о насъ, нѣмцахъ, можно будетъ сказать: уже далеко то время, когда они были варвары“ [1]). Съ ужасомъ увидѣли всѣ мы, что это время еще не пришло:

[1]) См. Ницше. „Несвоевременныя размышленія“, часть 1, § 1.

наоборотъ, оно еще болѣе далеко, чѣмъ въ эпоху Гёте. *Ницше* справедливо ставилъ этотъ ущербъ духа въ Германіи, это пониженіе ея духовнаго уровня въ связь съ ея внѣшнимъ могуществомъ, съ ея самоупоеніемъ этимъ могуществомъ: „Нѣмцамъ *не стыдно* быть только нѣмцами. Они считаютъ себя всерѣшающими. Я презираю нѣмцевъ. Я терпѣть не могу этой расы..." [1]) „Изъ всѣхъ дурныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собой послѣдняя война съ Франціей, худшее,—это всеобщее заблужденіе, что побѣдила нѣмецкая культура. Это — иллюзія въ высшей степени гибельная... Многознаніе и многоученіе не суть ни необходимое средство для культуры, ни признакъ послѣдней — и при случаѣ прекрасно уживаются съ варварствомъ" [2]). Съ какой горечью вспоминаются теперь эти слова: мы то, въ 1916 году, знаемъ теперь, „съ какимъ варварствомъ" уживается культура въ „концѣ нашихъ дней". То, что было ясно Гёте и Ницше, весь этотъ ущербъ духа, пригнетеннаго культомъ силы, было ясно и многимъ русскимъ мыслителямъ, наблюдавшимъ жизнь современной Германіи и ясно сознававшимъ, къ чему она идетъ. Еще *до* Франко-прусской войны 1870 г., *до* созданія нѣмецкой имперіи, *Герценъ* писалъ: „Я не вѣрю, чтобы судьбы міра оставались надолго въ рукахъ нѣмцевъ и Гогенцоллерновъ. Это невозможно, это противно человѣческому смыслу, противно исторической эстетикѣ... Она (Германія) будетъ предписывать законы вплоть до тѣхъ поръ, пока законы ея будутъ предписываться штыкомъ и исполняться картечью, по самой простой причинѣ: потому что у нея больше штыковъ и больше картечей." Особенно блестящимъ наблюдателемъ новоязыческой Германіи оказался *М. А. Бакунинъ* [3]). Онъ утверждалъ, что

[1]) *Ничше.* Ecce homo.

[2]) „Несвоевременныя размышленія", тамъ же.

[3]) Ю. Стекловъ. Бакунинъ и франко-прусская война 1870—71 г. „Голосъ минувшаго" 1915 г., № 5.

„морализовать, цивилизовать, германизовать“ другія націи, — таковъ лозунгъ нѣмецкихъ патріотовъ, отождествляющихъ интересы Германіи съ интересами человѣчества.

„Нѣмцы наивно отождествили свою національность съ человѣчествомъ, такъ что на ихъ взглядъ ненависть къ нѣмецкому владычеству, презрѣнье къ ихъ добровольно-холопской цивилизаціи равнозначительно враждѣ къ человѣческому прогрессу. Въ ихъ глазахъ являются панславистами всѣ славяне, съ отвращеніемъ и гнѣвомъ отвергающіе ту цивилизацію, которую они хотятъ насильственно навязать имъ. Если они придаютъ слову панславизмъ такой смыслъ, о! тогда я панславистъ отъ всей души. Ибо поистинѣ мало къ чему я отношусь съ такой глубокой ненавистью и презрѣніемъ, какъ къ этому гнусному господству и къ этой военной и политической цивилизаціи нѣмцевъ“.

Во всемъ противоположный Бакунину, *Вл. С. Соловьевъ* согласенъ съ нимъ въ оцѣнкѣ этого нѣмецкаго цивилизаторства: „Если нѣмцы поглотили вендовъ, пруссовъ и собираются поглотить поляковъ, то потому, что это ихъ „призваніе“, какъ высшей расы: германизируя низшія народности, возводить ихъ къ культурѣ. Мыслитель-нѣмецъ уничтожаетъ въ народахъ самую народность. Принципъ высшаго культурнаго призванія есть принципъ жестокій и неистинный“ [1]).

Нѣмцы перестали чувствовать живую душу въ чужомъ народѣ. Обожествивъ себя самихъ и признавъ въ другихъ народахъ лишь бездушный матеріалъ для собственнаго творчества, они возродили всю языческую жестокость въ отношеніи къ другимъ народамъ. Въ этой жестокости они видятъ свою силу, въ силѣ же—свое право. Жизнечувствіе нѣкогда христіанской Германіи стало языческимъ. Языческая жестокость выставляется идеаломъ народнаго

1) Собр. сочин., т., 2 изд., стр. 9.

поведенія. Еще въ 1900 г., отправляя свои войска въ Китай, на подавленіе боксерскаго возстанія, кощунственно напутствуя ихъ крестомъ, Вильгельмъ II обратился къ нимъ со слѣдующими словами: „Не берите плѣнныхъ... Пусть тѣ, кто попадетъ въ ваши руки, погибнутъ. Какъ тысячу лѣтъ назадъ гунны при своемъ царѣ Аттилѣ пріобрѣли себѣ имя, которое еще и теперь, въ преданіи, напоминаетъ объ ихъ могуществѣ, такъ имя германцевъ черезъ тысячу лѣтъ должно вспоминаться такъ, чтобы никогда больше китаецъ не смѣлъ косо взглянуть на нѣмца". Этому идеалу „царя Аттилы", указанному Вильгельмомъ своимъ войскамъ въ 1900 г., они послѣдовали съ охотой и въ 1900, и въ 1914—16 гг. Этотъ же антихристіанскій идеалъ сдѣлалъ возможнымъ и нынѣшній невозможный союзъ христіанскаго императора съ турецкимъ султаномъ. Исполнилось пророчество нашего замѣчательнаго мыслителя *Н. Ѳ. Ѳедорова*, говорившаго еще въ 1898 г.: „Мы видимъ появленіе новой міровой имперіи — нѣмецко-тюркской, которая съ момента заключенія дружбы между Вильгельмомъ и Исламомъ, простирается отъ Антлантики до Филиппинъ. Основаніе германской имперіи, возникновеніе новой германо-турецкой имперіи—все это прикрывалось личиною терпимости. Не имѣть ни къ чему почтенія, не имѣть ничего святого и выказывать почтеніе къ папѣ и калифу—вотъ терпимость, бездушіе и ложь, вотъ свойства этой лже-добродѣтели. Новый антихристъ пробуждаетъ магометанскій фанатизмъ на всемъ Востокѣ и готовитъ будущему вѣку новые нашествія и погромы" [1]). Предсказаніе вѣщаго Ѳедорова скоро оправдалось: міръ увидѣлъ нынѣ это тюрко-нѣмецкое нашествіе подъ предводительствомъ вождя, возлюбившаго идеалъ Аттилы.

Кругъ развитія новой имперіи завершенъ: понявъ свое призваніе внѣ великихъ началъ правды и добра, понявъ

[1]) Н. Ѳ. Ѳедоровъ. Философія общаго дѣла, томъ II. М. 1913 г.

его, какъ право порабощать народы и отмѣнять всѣ заповѣди любви, данныя Христомъ, Германская Имперія пришла къ тому же, къ чему пришелъ нѣкогда царь Навуходоносоръ: вмѣсто лика царя онъ получилъ морду звѣря, вмѣсто образа человѣческаго—образину звѣриную. Не ликъ народный увидѣли мы въ послѣднихъ страшныхъ дѣяніяхъ нѣмецкаго народа, въ той безднѣ жестокости, лжи и насилія, которая сотворена имъ въ эту войну,—а страшную личину звѣря, ибо ликъ народный проявляется только въ народномъ служеніи, основанномъ на покорности Божественнымъ завѣтамъ правды и добра; въ народномъ же своеволіи, въ дѣяніяхъ народа, обожествившаго самого себя, поклонившагося себѣ, какъ Богу, проявляется лишь воля звѣриная, несущая гибель и смерть. Въ этомъ состоитъ великое возмездіе, ниспосылаемое свыше тѣмъ, кто отстранилъ себя отъ покорности Богу, кто возвеличилъ себя, отъединивъ отъ Бога,—возмездіе людямъ и народамъ одинаково. Вотъ какъ формулируетъ *Ив. С. Аксаковъ* этотъ законъ Божественнаго суда въ исторіи: „*Прогрессъ*, отрицающій Бога и Христа, въ концѣ-концовъ, становится *регрессомъ, цивилизація* завершается *одичаніемъ*; *свобода—деспотизмомъ и рабствомъ.* Совлекши съ себя образъ Божій, человѣкъ неминуемо совлечетъ и образъ человѣческій и возревнуетъ объ образѣ звѣриномъ“ (Сочин., т. IV). Это и случилось съ Германіей-именно на этотъ образъ звѣриный, смѣнившій образъ человѣческій, и ужаснулся весь міръ. Въ этомъ же лежитъ и грозное предупрежденіе другимъ народамъ: горе тѣмъ, кто забываютъ о своемъ призваніи и лѣнивы къ нему, но еще большее горе тѣмъ, кто, помня о своемъ призваніи, забываютъ, что народное призваніе—лишь служба Богу, лишь всемірно историческое выполненіе послушанія, наложеннаго Его промысломъ на народъ и страну, какъ на отдѣльнаго человѣка!

IV.

Ликъ народный—самое тайное и прекрасное, что составляетъ самое существо народа—раскрывается лишь религіозно, и никогда онъ не бываетъ видимъ съ такою ясностью и яркостью, какъ въ дни народныхъ испытаній, „во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ".

Мы всѣ знали трудовое, спокойное, озабоченное лишь насущными заботами лицо бельгійскаго народа,—и вдругъ во дни скорби передъ нами предстало лицо героя,—народа-героя.

Знали ли мы всѣ, какъ надо, Россію? Сколько было у насъ людей, не вѣрующихъ въ Россію, въ ея возрожденіе, отрицающихъ ея красоту и чистоту! Мы думали, что наша простая, бѣдная, грязная, нищая, пьяная Россія и есть дѣйствительная Россія, *вся* Россія—и это лицо—некрасивое, худое, грязное лицо, омраченное безысходнымъ горемъ или искривленное глупой пьяной улыбкой или злой судорогой отчаянія—и есть подлинное, единственное лицо Россіи. Мы привыкли къ этому лицу, любили его и, жалѣя, не вѣрили, что оно измѣнится... И вдругъ въ дни войны и страшнаго испытанія это лицо обратилось къ намъ съ новой стороны, оно засіяло, какъ новый свѣтлый Ликъ, мудрый и прекрасный; поистинѣ, мы увидѣли *Ликъ Россіи* въ то время, какъ прежде большинство изъ насъ знало даже не лицо ея, а личину. Мы увидѣли новую Россію, которая въ сущности является все той же старой Русью,—той Русью, вся исторія которой заключена, по слову ея величайшаго историка В. О. Ключевскаго, въ четырехъ словахъ молитвы Господней: *„Да будетъ воля Твоя!"*.

Истинное существо Руси—именно въ этой молитвѣ, въ этомъ ощущеніи, что ея историческое призваніе—понять „волю Его", направляющую русскій народъ на историческое дѣйствованіе, и, понявъ, исполнить. Это

пониманіе своей исторіи стало подлиннымъ народнымъ жизнеощущеніемъ. „Народу, которому пришлось стать между безнадежнымъ Востокомъ и самоувѣреннымъ Западомъ,—говоритъ Ключевскій,—досталось на долю выработать настроеніе, проникнутое надеждой, но безъ самоувѣренности, а только съ вѣрою. Никакой христіанскій народъ своимъ бытомъ, всею своею исторіей не почувствовалъ стиха молитвы Господней: *да будетъ воля Твоя* такъ глубоко, какъ русскій". Такъ говоритъ первый по значенію и глубинѣ историческаго анализа русскій историкъ. Какъ далеко это отъ той гордости самоизбранія и сомовозвеличенія, которой учатъ нѣмецкій народъ его современные историки.

Народъ, любимой своей молитвой сдѣлавшій смиреннѣйшее прошеніе: *да будетъ воля Твоя*!—не могъ иначе мыслить о своемъ историческомъ призваніи, какъ о выполненіи этой воли,—Божьей, а не своей. Онъ и въ дѣйствительности такъ мыслилъ о немъ. Законъ христіанской любви русскій народъ призналъ обязательнымъ и для себя, какъ цѣлаго существа, и для себя, какъ народа. Единство закона, предлежащаго христіанскому обществу, государству, народу, семьѣ, отдѣльному человѣку,—есть обще-русское убѣжденіе, прекрасно выраженное нѣкогда Юріемъ Самаринымъ въ словахъ: „Законъ любви не измѣняется, но примѣненіе его къ практикѣ, въ жизни семейной, общественной и государственной, постепенно совершенствуется и расширяется"[1]). Рѣшительное различіе русскаго и нѣмецкаго отношенія къ этому вопросу выясняется изъ слѣдующаго эпизода. 30 сентября 1862 г. Бисмаркъ, говоря въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага о настоящемъ и будущемъ положеніи Пруссіи, произнесъ: „Не рѣчами и постановленіями большинства рѣшаются великіе вопросы времени; а желѣзомъ и кровью". На это восхваленіе желѣза и крови,

[1]) Собр. сочин., т. VI, стр. 336.

какъ орудія, которымъ осуществляется историческое призваніе народа, нашъ политическій дѣятель и великій поэтъ Тютчевъ отвѣчалъ за всю Россію:

„Единство,— возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней,—
Быть можетъ, спаяно желѣзомъ лишь и кровью",
Но мы попробуемъ спаять его любовью,—
А тамъ увидимъ, что прочнѣй...

Законъ любви провозглашенъ здѣсь закономъ политическаго дѣйствованія, къ которому призывается Россія.

Историческое призваніе Россіи должно осуществляться, какъ подвигъ ея *смиренія*, а не гордости; этому учили Россію учителя ея національнаго самосознанія.

Смиреніе есть не только принципъ личной нравственности, условіе нравственнаго существованія личности,— оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть принципъ историко-философскій, съ вѣрностью которому связано самое бытіе народовъ. Вотъ какъ думалъ объ этомъ тотъ же Тютчевъ: „Въ основѣ его духа жило искреннее смиреніе . . . какъ *народное* свойство и какъ постоянное философское сознаніе ограниченности человѣческаго разума. Преклоняясь умомъ передъ высшими истинами вѣры, онъ возводилъ *смиреніе* на степень философско-нравственнаго историческаго принципа. Поклоненіе человѣческому *я* было вообще, по его мнѣнію, тѣмъ лживымъ началомъ, которое легло въ основаніе историческаго развитія современныхъ народныхъ обществъ на Западѣ" [1].

Но это смиреніе должно быть лишь сознаніемъ слабости силъ народа передъ безмѣрной высотой предлежащей ему задачи—служить дѣлу устроенія Царства Божія на землѣ, а не отказомъ отъ этой задачи, что́ было бы смиреніемъ, граничащимъ со слабостью раба, убоявшагося велѣній владыки. „Когда-то я просилъ Бога о Россіи,—пишетъ Хомяковъ,—и говорилъ:

---

[1]) Ив. Аксаковъ. Ѳ. И. Тютчевъ, стр. 57—8.

Не дай ей *рабскаго* смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой...

Эта же молитва у меня для всѣхъ славянъ" [1]). Это смиреніе требуетъ отъ народа и государства отказа отъ гордаго самопоклоненія, отъ холоднаго самовозвеличенія. Оно требуетъ, чтобы политическія дѣйствія народа и государства были этически такъ же чисты, какъ дѣйствія отдѣльнаго человѣка. Именно эта мысль, столь согласная и съ христіанскимъ ученіемъ, и съ мнѣніемъ самого народа, превосходно выражена въ Высочайшихъ манифестахъ, возвѣщающихъ о войнѣ съ Германіей и Австріей. Въ первомъ указано, что Россія начинаетъ войну „съ глубокою вѣрою въ *правоту* нашего дѣла и *смиреннымъ* упованіемъ на Всемогущій Промыселъ". Во второмъ читаемъ „Видитъ Господь, что *не ради воинственныхъ* замысловъ или *суетной мірской славы* подняли мы оружіе, но боремся *за правое дѣло*". Въ этихъ немногихъ полновѣсныхъ словахъ выражено исконное отношеніе русскаго народа къ войнѣ и силѣ.

Вспомнимъ лучшее выраженіе завѣтнаго жизнечувствія и вѣрованія русскаго народа—наши былины, нашъ эпосъ. Кто любимый его герой, кто первый въ подвигахъ? Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ. Этотъ могучій воинъ беззлобенъ, какъ дитя; онъ свято исполняетъ родительскій завѣтъ:

Не убей въ чистомъ полѣ христіанина,
Не помысли зломъ на татарина

Ни о какихъ ратныхъ подвигахъ, ни о какой славѣ онъ и не мечтаетъ; ему не нужно золота и добычи, онъ не хочетъ завоевывать ничьихъ странъ. Онъ—только великій защитникъ родной земли. Если ее не трогаетъ врагъ, богатырь спокойно дремлетъ въ Кіевѣ. Всѣ походы величайшаго русскаго богатыря—сплошь оборони-

[1]) А. С. Хомяковъ. Стихотворенія. М. 1904. 144 стр.

тельныя войны, какъ мы бы теперь ихъ назвали: ни одной наступательной. Сравните съ нимъ богатырей нѣмецкаго эпоса, героевъ „Пѣсни о Нибелунгахъ". Они всѣ—завоеватели, люди, живущіе войной, промышляющіе войной, любящіе войну ради войны. Все содержаніе „Пѣсни о Нибелунгахъ" вращается около своекорыстной борьбы за золото, за золотой перстень. Хитрость, предательство, измѣна, коварная жестокость,—вотъ средства, которыми пользуются эти нѣмецкіе герои, любимцы германскаго народа. Всѣ ихъ войны—сплошь наступательныя, завоевательныя, своекорыстныя, разсчитанныя на добычу и наживу. Различіе русскаго и нѣмецкаго народнаго мірочувствія этимъ не кончается. Илья Муромецъ все-таки не самый сильный русскій богатырь. Есть и сильнѣе его: Илья Муромецъ безсиленъ передъ нимъ. Это—Микула Селяниновичъ, котораго „любитъ мать—сыра земля". Сила его необычайна, но въ рукахъ его единственное оружіе—это соха. Сильнѣйшій русскій богатырь—пахарь, богатырь мира, не вложившій въ руку свою никакого оружія, не пролившій ни капли крови.

Таковъ русскій народный идеалъ,—глубоко и искренно-христіанскій идеалъ—въ противоположность языческому германскому идеалу.

Этотъ національный идеалъ мира требуетъ и иного отношенія къ чужимъ народамъ, чѣмъ отношеніе, внушаемое противоположнымъ идеаломъ. Тотъ, кто не замышляетъ въ себѣ рабства, предназначаемаго другому, тотъ лучше способенъ знать и понимать другого, а тамъ, гдѣ пониманіе, тамъ и любовь. Въ прямой связи съ русскимъ народнымъ идеаломъ находится русское отношеніе къ чужеплеменнымъ и иновѣрнымъ народамъ. Уже давно высказана справедливая мысль, что въ самомъ существѣ русскаго творческаго генія лежитъ безцѣнная способность проникаться чужимъ бытомъ, міровоззрѣніемъ,

вѣрой, какъ своими собственными. Достоевскій указывалъ, что лучшимъ свойствомъ величайшаго русскаго поэта, Пушкина, является его всечеловѣчность, его способность, создавая испанца, чувствовать себя до конца испанцемъ, —способность творческаго вниманія и пониманія чужихъ народовъ. Это—общерусская способность: русскому всегда легче понять иностранца, чѣмъ иностранцу—русскаго. Если сравнить наше знаніе и пониманіе Англіи, Германіи и Франціи съ ихъ знаніемъ и пониманіемъ Россіи, то окажется очевиднымъ, насколько легче намъ, русскимъ, понять чужое и тѣмъ самымъ избѣгнуть ошибокъ въ сужденіяхъ объ иностранцахъ, чѣмъ имъ.

Не въ томъ ли лежитъ разгадка этого явленія, что для насъ, русскихъ, какъ для Юрія Самарина, всякая „народность—сосудъ, въ который вливается общечеловѣческое содержаніе"? Эта способность понимать *чужое*, не враждовать съ нимъ только потому, что оно —чужое, и послужила не мало къ тому, что мы, русскіе, какъ цѣлый народъ, національно, не зарились на это *чужое*. Признаніе правъ другихъ народовъ есть признаніе образа Божія въ нихъ—есть уваженіе къ тѣмъ задачамъ, которыя возложило на нихъ Провидѣніе. Это прекрасно выразилось въ характерѣ войнъ, веденныхъ Россіей.

Главнѣйшія и славнѣйшія изъ нихъ—войны *оборонительныя* или *освободительныя*. Послѣднія составляютъ настоящую особенность русской исторіи, одну изъ истинныхъ чертъ русскаго призванія.

Доказано, что для Россіи было бы гораздо выгоднѣе, прогнавъ Наполеона изъ Россіи, заключить съ нимъ миръ, подѣливъ сферу вліянія въ Европѣ, какъ это и предлагалъ самъ Наполеонъ I императору Александру. Россія избрала другой путь: она предприняла долголѣтнюю освободительную войну, она стала освободительницей Европы и прежде всего Германіи, которая именно со

временъ этого освобожденія, купленнаго русскою кровью, вступила на путь роста и силы. Два слишкомъ столѣтія Россія ведетъ тяжелыя безпрерывныя войны съ Турціей; ихъ цѣль—освобожденіе христіанскихъ народовъ изъподъ власти турокъ. Цѣною успѣховъ русскаго оружія покупаются успѣхи русской освободительной политики, цѣною русской крови получаютъ свободу Грузія, Валахія, Румынія, Греція, Сербія, Болгарія. И чрезвычайно важно отмѣтить, что именно эти освободительныя войны и популярны въ русскомъ народѣ; наоборотъ, войны, предпринятыя съ иной цѣлью, были и остаются совсѣмъ непопулярными въ народѣ: такова русско—японская война.

Этой задачѣ—освобождать народы—Россія осталась вѣра и въ настоящую великую войну. Освобожденіе исконно-русской Галиціи, защита независимости Сербіи, возстановленіе Польши, освобожденіе отъ турецкаго ига Арменіи,—вотъ прямыя задачи Россіи въ текущей войнѣ. Эти задачи продиктованы глубоко понятымъ сознаніемъ историческаго тернистаго пути Россіи.

Въ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, обращенномъ къ полякамъ, находимъ слѣдующее изъясненіе задачъ войны: „Польша жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей. Русскія войска несутъ благую вѣсть этого примиренія". Замѣчательно, что, возвѣщая полякамъ вѣсть о возстановленіи Польши, воззваніе ожидаетъ и отъ нихъ такого же отношенія къ народамъ, входящимъ въ составъ Польши, съ какимъ Россія относится къ Польшѣ: „Одного ждетъ отъ васъ Россія—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія". То же читаемъ мы и въ другомъ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго, обращенномъ къ австрійскимъ славянамъ: „Всѣмъ вамъ найдется мѣсто на лонѣ матери-Россіи. Не обижая мирныхъ

людей, какой-бы они ни были народности, не полагая своего счастья въ притѣсненіи иноземцевъ, какъ это дѣлали швабы, обратите мечъ свой на врага".

Такимъ образомъ, въ этомъ пониманіи связи политическихъ задачъ съ національной вѣрностью началамъ Божественной правды, совпадаютъ, какъ мы видимъ здѣсь, и чаянія народа русскаго, и мысль его мыслителей и поэтовъ, и воззрѣніе вождя русскаго воинства.

V.

Благія цѣли и святыя намѣренія, одухотворяющія цѣлый народъ и государство въ ихъ историческомъ дѣланіи, увѣнчиваются успѣхомъ лишь тогда, когда самъ дѣлатель достоинъ дѣлать свое великое дѣло: работу Господню дается совершить лишь чистымъ рукамъ: иначе она выпадетъ изъ рукъ. Таково русское народное воззрѣніе. Нельзя дѣлать добра въ исторіи изъ побужденій тщеславія и гордости; нельзя гордиться своимъ добрымъ дѣланіемъ; нельзя, не очистившись самому, приступать къ спасенію другихъ. За грѣхи народа, не раскаявшагося въ нихъ, онъ лишается исторической удачи, его дѣланіе становится безплоднымъ, его историческая работа оказывается ненужной и вредной—и самъ онъ находится на краю гибели.

Историческія неудачи и бѣды есть не случайность, а справедливая кара за нарушеніе народомъ въ его историческихъ дѣяніяхъ Божественнаго закона. Такъ мыслилъ и мыслитъ народъ. Заглянемъ въ лѣтописи и оффиціальные документы Смутнаго времени—чѣмъ объясняютъ они единогласно бѣдствія, едва не прикончившія самое существованіе русскаго государства? У Авраамія Палицына читаемъ, что бѣды постигли Русь „за грѣхъ всей Россіи, всѣхъ насъ грѣхъ", „за безчисленные наши всенароднаго множества грѣхи". „По грѣхомъ русскія земли,—пишетъ лѣтописецъ,—возсташа мятежъ великъ и

напасть во всѣхъ людяхъ, и междоусобная брань, и бѣда велика. И оттого бысть запустѣніе веліе русской земли". Въ грамотѣ патріарха Филарета Романова то же народное убѣжденіе выражено уже отъ лица правительства: „Божіимъ попущеніемъ за безсильные наши всенароднаго множества грѣхи надъ Московскимъ государствомъ и надъ всей Россійской земли учинилась неудобь сказуемая напасть" [1]).

Есть нѣкій законъ историческаго возмездія, немедленно вступающій въ грозную силу, какъ только нарушена правда добра и истины въ исторической жизни народа. Историческая неправда или грѣхъ, совершенный націей, „нашимъ всенароднымъ множествомъ", какъ говорили въ XVII вѣкѣ, — ведетъ неизбѣжно къ историческому же наказанію этого погрѣшившаго „всенароднаго множества", т.-е. всего народа. Это глубоко-христіанское воззрѣніе русскаго народа на свой историческій путь, на свое дѣло въ исторіи нашло себѣ полное выраженіе въ ученій славянофиловъ—учителей русскаго народнаго призванія. Лучшимъ доказательствомъ справедливости этого воззрѣнія имъ представлялась пережитая Россіей Крымская война 1854—1856 гг. Россія начала ее съ благой цѣлью защиты христіанъ, притѣсняемыхъ турками, но благое дѣло было начато нечистыми руками и оно не могло быть сдѣлано: оно выпало изъ рукъ Россіи. Въ „Посланіи къ сербамъ", написанномъ А. С. Хомяковымъ и подписанномъ многими славянофилами, въ посланіи, имѣвшемъ цѣлью предостеречь младшій братскій народъ отъ ошибокъ, сдѣланныхъ старшимъ братомъ,—мы читаемъ слѣдующее: „Первая и величайшая опасность, сопровождающая всякую славу и всякій успѣхъ, заключается въ гордости. Для человѣка, какъ и для народа, возможны три вида гордости: гордость духовная,

[1]) Цитаты по В. А. Кожевникову: Сѣверно-русскія думы и впечатлѣнія. „Рус. Вѣстн.", 1899 г. XI.

гордость умственная и гордость внѣшнихъ успѣховъ и славы. Во всѣхъ трехъ видахъ она можетъ быть причиной совершеннаго паденія человѣка и гибели народной, и всѣ три встрѣчаемъ мы въ исторіи и въ жизни современной.

„Не можемъ скрыть своей вины. Русская земля послѣ многихъ и тяжкихъ испытаній отъ нашествій съ Востока и Запада, сдѣлалась самымъ обширнымъ изъ современныхъ государствъ. Сила породила гордость... Мы забыли благодарность къ Богу и смиреніе... Правда, на словахъ и изрѣдка, во время великихъ общественныхъ грозъ, на самомъ дѣлѣ, думаю, смирялись мы; но не таково было общее настроеніе нашего духа. Та вещественная сила, которою мы были отличены передъ другими народами, сдѣлалась предметомъ нашей постоянной похвальбы, а увеличеніе ея—единственнымъ предметомъ нашихъ заботъ... Война,—война справедливая, предпринятая нами противъ Турціи, для облегченія участи нашихъ восточнихъ братій,—послужила намъ наказаніемъ: нечистымъ рукамъ не предоставилъ Богъ совершить такое чистое дѣло... *Благодаримъ Бога, поразившаго насъ*“.

Представимъ себѣ, когда были сказаны эти слова: въ годину пораженія, въ годину униженія національнаго, когда всякое напоминаніе о боли и пораженіи вызываетъ двойную боль,—чтобы оцѣнить все благородство, все согласіе съ народнымъ идеаломъ, всю вѣрность закону Христову этихъ незабвенныхъ словъ!

Они не были исторгнуты изъ устъ вождя славянофиловъ національнымъ несчастіемъ и вынужденнымъ имъ позднимъ раскаяніемъ,—они выражали самое существо воззрѣнія славянофиловъ на русское призваніе, на русскую національную работу въ исторіи. Еще въ 1839 г., въ разгаръ русскаго военнаго могущества и славы Россіи, какъ первой военной державы Европы, тотъ же Хомяковъ, вѣрный исконно-русскому народному идеалу смиренія и богопокорности, обращался къ Россіи съ ве-

ликими словами, подобныхъ которымъ никто, къ несчастью, не сказалъ въ Германіи своей родинѣ,—не нашелъ въ себѣ христіанской правды, воли и смѣлости сказать:

„Гордись! тебѣ льстецы сказали,—
Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
Земля несокрушимой стали,
Полміра взявшая мечомъ!
Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
И прихотей твоихъ раба,
Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
Тебѣ покорная судьба.

Въ отвѣтъ на этотъ призывъ къ національному самообожествленію, къ государственному самопоклоненію, столь близкій и желанный германскому слуху,—русскій поэтъ призываетъ Россію:

Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Подобно лѣтописцу, онъ вѣритъ въ непреложность въ исторіи Божественнаго закона правды, предающаго народы, не подчиняющіеся этому закону, страшному суду:

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта.
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей;—
И что же Римъ? и гдѣ монголы?

Причину и основаніе страшнаго суда, постигшаго эти народы, Хомяковъ указываетъ въ словахъ:

Безплоденъ всякій духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка;
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

„Міръ святыни“—вотъ истинный идеалъ русскаго народа, и изъ сознанія этого идеала родилось самое прозваніе „*Святая Русь*“. Въ двухъ словахъ народъ умѣлъ выразить весь идеалъ своего призванія, всю свою мысль о немъ. Святая Русь не значитъ вовсе, что Русь свята, что святость

уже достигнута, идеалъ осуществленъ,—какъ разъ наоборотъ: Русь *святая* потому, что она живетъ идеаломъ *святости*, что въ этотъ идеалъ вмѣщена для нея вся правда земная и небесная. Это—не святость, это—воля къ святости, это — всенародная жажда „яснаго міра святыни“ вмѣсто смутнаго міра народнаго и личнаго грѣха.

„Нѣтъ ни въ одномъ обществѣ истиннаго христіанства,—разъясняетъ русскій народный идеалъ К. С. Аксаковъ,—но христіанство истинно, и христіанство есть единый истинный путь. Слѣдовательно, этимъ истиннымъ путемъ и надобно итти. Вся сила въ томъ, что человѣкъ призналъ за законъ, за начало. Въ основу русской жизни легли истинныя начала. Эти начала составляютъ постоянный камертонъ въ жизни, сейчасъ дающій себя чувствовать, указывающій отклоненія и въ то же время истинный путь. Въ этихъ началахъ лежитъ и осужденіе лжи, и исцѣленіе ото лжи; идучи по истинному пути, можно упасть, можно и встать, но сила въ томъ, чтобы не измѣнять пути.

„Грѣхъ былъ для рускаго народа всегда грѣхомъ, а не добродѣтелью; онъ въ немъ каялся, а не хвалился имъ. Начало всей его жизни, отъ котораго по слабости человѣческой онъ въ поступкахъ и отклонялся иногда, никогда его не отвергая, не переставая къ нему стремиться и сознавая въ такомъ случаѣ себя виновнымъ,—есть Вѣра православная. Недаромъ Русь зовется *святая* Русь. Ошибутся тѣ, которые подумаютъ, что, можетъ быть, въ этомъ выраженіи заключается какое-то гордое предпочтеніе и похвала Руси. „Святая Русь“ — подъ этимъ словомъ русскій народъ разумѣетъ Вѣру православную. Это давно уже выражено ясно на Руси. Несторъ въ лѣтописи, говоря, что у всякаго народа (языческаго) свой обычай, сказалъ: „Мы же, христіане, законъ имамы одинъ, елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся“. Вотъ когда (и вотъ какъ ясно, глубоко и истин-

но) перейдены были границы той исключительной національности, въ которой пребывали мы, по мнѣнію Запада, до начала прошедшаго столѣтія и которой у насъ никогда не бывало“ [1]).

Русь святая—значитъ Русь непрерывно высвѣтляемая и освѣщаемая, трудящаяся святымъ подвигомъ во имя *святого* въ исторіи. Этотъ *идеалъ* Святой Руси съ полнѣйшей ясностью указываетъ и тотъ путь, которымъ должна итти къ нему Русь, осуществляя свое призваніе.

„Для Россіи возможна только одна задача,—съ безспорностью всенароднаго убѣжденія утверждаетъ Хомяковъ,—быть обществомъ, основанымъ на самыхъ высшихъ нравственыхъ началахъ. Для Россіи возможна только одна задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ“ [1]). Эта задача не можетъ быть никогда исполнена до конца, но всегда должна быть исполняема, въ каждый моментъ историческаго бытія Россіи: быть или не быть Россіи, какъ христіанской свободной странѣ, зависитъ отъ исполненія этой задачи. Вновь обращается поэтъ къ Россіи:

Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство;
Любви живительный сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Вотъ то, что должна дѣлать Россія—*всѣ народы*

Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей.

Два дѣланія предстоятъ, такимъ образомъ, Россіи: сказать народамъ, обнятымъ ея любовью, великое „та-

[1]) К. С. Аксаковъ. Сочиненія, т. I, М. 1861 г., стр. 20.
[1]) Хомяковъ. Сочиненія, т. I, стр. 683.

инство свободы" и еще болѣе великое и трудное: „пролить имъ сіянье вѣры".

„Таинство свободы" уже много разъ несла Россія другимъ народамъ въ своемъ историческомъ пути. Со временъ царя Алексѣя Михайловича она сказывала это „таинство свободы" единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ Юга и Востока; идя тернистымъ путемъ,—путемъ войны,—почти не прекращая лить кровь русскаго народа за освобожденіе другихъ народовъ, она сказывала это таинство—и сказала!—однимъ за другими грузинамъ, грекамъ, румынамъ, сербамъ, болгарамъ. Въ 12-омъ году она сказала это таинство народамъ Запада —сказала прежде всего нѣмецкому народу. Нынѣ, съ кровью на своемъ собственномъ тѣлѣ, Россія сказываетъ таинство свободы сербамъ, полякамъ, русинамъ, армянамъ. Итакъ, со свободой идетъ Русь навстрѣчу другимъ народамъ, но въ этомъ ли одномъ, въ одной ли свободѣ внѣшней—истинное таинство свободы? Внѣшней свободы не можетъ быть при внутреннемъ рабствѣ, при подчиненіи бездушной матеріалистической культурѣ,—только при признаніи *вѣры и религіи*, какъ руководящаго начала жизни, можетъ быть та свобода, о которой говоритъ Слово Божіе: „истина сдѣлаетъ васъ свободными". „*Таинство* свободы", сказываемое Россіей, и должно научить *такой* свободѣ,—свободѣ, неразрывной съ „сіяньемъ вѣры".

„Сіянье *вѣры* имъ пролей!" — вотъ что еще предлежитъ Россіи, вотъ въ чемъ ея высшее призваніе и въ чемъ ея верховный, несказуемый трудъ. Самая свобода не свободна безъ вѣры, сіяющей и просвѣтляющей свободу. Западъ свободенъ именно такой несвободной свободой, и въ лучшихъ своихъ чувствахъ и устремленіяхъ онъ жаждетъ *иной* свободы и никогда, быть можетъ, такъ не жаждалъ ея, какъ нынѣ, въ эти страшные и учительные дни, ибо никогда горечь несво-

бодной свободы, не просвѣтленной вѣрой, не была такъ горька, какъ теперь. Мы поймемъ это, если вспомнимъ немногое изъ того, что пережито современнымъ западнымъ человѣкомъ въ дни войны. Еще годъ назадъ мысль о всеевропейской войнѣ казалась невозможной и нелѣпой. Казалось, царство европейской культуры столь прочно, столь всеобъемлюще, что никакихъ потрясеній уже не суждено человѣчеству. Культура, какъ строительство человѣческаго благополучія и спокойствія, какъ организація общественной свободы человѣчества,—вотъ что стало на мѣсто Бога въ Зап. Европѣ, вотъ что заняло въ сознаніи и чувствѣ европейца то мѣсто, которое прежде принадлежало религіи и вѣрѣ.

Представлялось, что человѣчество удобно, прочно и легко устроилось безъ вѣры и Бога, что самая культура есть уже осуществленное добро въ исторіи: представлялось всѣмъ, что нравственная сила *культурнаго* воздѣйствія на человѣчество замѣнила съ успѣхомъ силу воздѣйствія религіознаго; казалось, безъ вѣры и Бога человѣчество стало добрѣе и гуманнѣе, чѣмъ когда было съ ними. И вдругъ, какъ ударъ грома при безоблачномъ небѣ, прозвучалъ страшный голосъ войны. Культурнѣйшая страна Европы вдругъ явила не ожидавшееся отъ нея добро въ исторіи, а крайнюю, еще невиданную степень зла,—зла тѣмъ болѣе злого, чѣмъ болѣе откровеннаго, увѣреннаго въ своей правотѣ, не ищущаго никакого прикрытія въ мнимомъ добрѣ. Оказалось, культура не застраховала европейское человѣчество даже отъ грубѣйшихъ, исходящихъ изъ отжитой варварской древности нарушеній самыхъ элементарныхъ началъ свободы и цѣлости. И больше того. Въ соціализмѣ была заключена утѣшительная мечта западно-европейскаго человѣчества; она гласила: если теперь, пока, еще нѣтъ на землѣ равенства, братства и свободы, то они будутъ въ недалекомъ будущемъ, при соціалисти-

ческомъ строѣ, научно предсказываемомъ и научно же обоснованномъ. Соціализмъ и соціалисты—вотъ стражи мира, вотъ истинные хранители культуры и свободы, вотъ дѣйствительные защитники справедливости и правды, творцы новаго міра. И что же? Соціалисты передовой, главной, классической страны соціализма не только не воспротивились акту величайшей несправедливости—своекорыстной войнѣ,—но одобрили все, чѣмъ сопроваждалась эта война, участвовали въ разгромѣ Бельгіи, въ опустошеніи Франціи и Польши: вѣдь приблизительно одна четверть полчищъ Вильгельма состоитъ изъ людей, раздѣляющихъ соціалистическое ученіе, предтечей будущаго міра справедливости! Предтечи грядущей соціальной справедливости, грядущаго окончательнаго добра въ исторіи, участвующіе въ отвратительномъ историческомъ беззаконіи, соучастники крупнѣйшаго зла въ исторіи! Какъ же вѣрить послѣ этого попрежнему и этой любимой европейской мечтѣ о грядущемъ добрѣ въ исторіи, если призваннные творить его, творятъ еще небывалое зло? Какъ же возлагать на нее свое этическое упованіе? Мечтать о созданіи новой культуры на развалинахъ старой легко, но какое новое начало, какая новая сила сдѣлаютъ эту культуру новой, а не повтореніемъ старой?

Воистину,—

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ.

(Тютчевъ).

И исцѣленіе отъ этой тоски, отъ этого изсушенія духа, отъ этого невыносимаго торжества зла въ исторіи только одно—въ возвращеніи къ вѣчному началу вѣры, въ жаждѣ вновь увидѣть въ мірѣ, въ исторіи и въ собственной душѣ—Бога.

VI.

„Сіянье вѣры имъ пролей!“

Это *сіянье вѣры*,—пусть иногда тихое и блѣдное, какъ бы скрытое и таящееся, но никогда не прекращавшееся, никогда не угасавшее,—есть удѣлъ и счастье русскаго народа. Въ сіяньи вѣры онъ совершалъ и совершаетъ самыя великія свои дѣла. *Вѣрить* русскаго учила вся его исторія, природа его страны, самый характеръ его просвѣщенія: вспомнимъ еще разъ, что величайшій русскій историкъ видѣлъ высочайшее выраженіе русской народной воли, разума и чувства въ актѣ вѣры—въ непрестанной вѣрности молитвенному прошенію *„да будетъ воля Твоя“*. Именно въ этомъ видѣлъ историкъ отличіе своего народа отъ народовъ Запада и Востока. Вѣра удерживаетъ и спасаетъ Россію отъ участи стать Азіей—отъ поглощенія монголами. Вѣра объединяетъ русскія области въ одно цѣлое и непрестанно учитъ русскому единству. Вѣрою измѣряются всѣ успѣхи русскаго просвѣщенія и культуры. Въ философію и умозрѣніе русскіе вносятъ эту же свою исконную вѣрность вѣрѣ: философія и умозрѣніе всѣхъ величайшихъ русскихъ мыслителей—Ив. Кирѣевскаго, Хомякова, К. Леонтьева, Влад. Соловьева, кн. С. Трубецкаго—не философія разума только, но *вѣрующаго* разума,—разума, просвѣтленнаго „сіяньемъ вѣры“. Это же „сіянье вѣры“ просвѣтляетъ и русское искусство: величайшее его и самобытнѣйшее созданіе, древне-русская иконопись и народное церковное зодчество, вызывающія нынѣ такой восторгъ за границей—созданія генія русскаго народа, творящаго въ глубочайшемъ единствѣ съ вѣрой и Церковью. Это же „сіянье вѣры“ сіяетъ и въ лучшихъ созданіяхъ литературы: въ лирикѣ Пушкина, Лермонтова и Тютчева, въ романахъ Достоевскаго, во многихъ созданіяхъ Л. Толстого, Тургенева, Лѣскова. Оно же, нако-

нецъ, будитъ отзвуки въ музыкальныхъ вдохновеніяхъ Римскаго-Корсакова и Мусоргскаго, въ созданіяхъ А. Иванова, Нестерова, Сурикова. Но, главнѣе всего, оно же „сквозитъ и тайно свѣтитъ“ въ лучшихъ сторонахъ характера русскаго народа, доселѣ вѣрнаго великому источнику этого „сіянья вѣры“—*православной Церкви.*

Именно это „сіянье вѣры“ больше всего и начинаетъ цѣнить Западъ въ Россіи, и, цѣня, начинаетъ просить его себѣ. Эта правая жажда „сіянья вѣры“, отличающаго Русь, слышится во всемъ, что пишется нынѣ о Россіи во Франціи и Англіи. Прислушаемся къ этимъ голосамъ.

Извѣстный французскій ученый Г. Лансонъ проводитъ параллель между культурной Германіей и отсталой Россіей.

„Германія была націей по преимуществу ученой, промышленной, дисциплинированной; никакая другая нація не дала такой организаціи труда, такихъ усовершенствованныхъ способовъ работы. Но она сохранила душу и Бога варварскихъ временъ. Она воспользовалась всѣми средствами, добытыми позднѣйшей цивилизаціей для служенія хищнымъ аппетитамъ и грубой гордости вандаловъ и гунновъ. Она принадлежитъ XX вѣку по вооруженію и V вѣку по складу своего ума. Эта прекрасная германская культура въ сущности низшая культура, потому что она приводитъ къ чудовищному развитію коллективнаго эгоизма и не оставляетъ мѣста для жалости, доброты, для всего того, что со времени грековъ называется *гуманностью.*

„Поставьте на ряду съ этой блестящей, но въ сущности бѣдной культурой русское „варварство“, и вы увидите, что въ немъ проявились всѣ качества, недостающія германской культурѣ. Въ русскомъ обществѣ, съ его высшихъ до низшихъ слоевъ, поражаетъ наблюдателя одна черта: русскій гуманенъ. Никакое администра-

тивное или военное распоряженіе, никакая научная теорія не подавляетъ у русскаго человѣческаго сердечнаго чувства. Даже грубость, когда она проявляется у русскаго, не что иное, какъ случайный порывъ, грѣхъ, искушеніе. Эта грубость не методична и не связана съ чувствомъ гордости, какъ въ Германіи... Русскій мужикъ грубъ, невѣжественъ, пьяница... Все это такъ, но этотъ мужикъ, мистикъ и печальникъ, таитъ въ душѣ глубокое чувство поэзіи, громадную доброту. Преобладающая склоность его души—братская жалость ко всякаго рода слабымъ людямъ. Нѣтъ, можетъ быть, другого народа, который былъ бы такъ могучъ и такъ глубоко гуманенъ".

Именно эта сторона русскаго генія, это столь явно и прочно связанное съ русской вѣрой, съ русскимъ христіанствомъ русское человѣколюбіе и поразило, по словамъ историка литературы Лансона, Европу въ созданіяхъ русской литературы.

„Широкое распространеніе русскаго романа на Западѣ знаменуетъ цѣлую эпоху въ западной цивилизаціи,— говоритъ Лансонъ.—Русскій романъ преобразовалъ искусство и литературу. Реализмъ, натурализмъ означали для французскихъ писателей пессимизмъ, иронію, жестокость души. Доброта, идеализмъ были въ пренебреженіи. Русскіе открыли намъ, что можно быть сострадательнымъ, нѣжнымъ, гуманнымъ и въ то же время правдивымъ и стоящимъ близко къ жизни".

Изъ всего этого Лансонъ дѣлаетъ такой замѣчательный выводъ: „То, чѣмъ міръ обязанъ Германіи, явно чувствуется въ мастерскихъ и лабораторіяхъ; то, чѣмъ міръ обязанъ Россіи, проявляется въ области души, откуда современная Германія исключена совершенно" [1]).

Съ воззрѣніями Лансона интересно сопоставить взглядъ англо-бельгійскаго ученаго Шарля Саролеа на евро-

[1]) „Русская Иллюстрація", 1915 г., № 4.

пейское и всемірное будущее русскаго языка и литературы, высказанный задолго до войны. Саролеа утверждаетъ: „Если грядущее поколѣніе пожелаетъ извлечь наибольшую пользу отъ общенія съ народомъ, обладающимъ самой оригинальной культурой со временъ Ренессанса, Европѣ придется ввести русскій языкъ во всѣхъ своихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я предсказываю, что прежде еще, чѣмъ нынѣшній школьникъ станетъ пожилымъ человѣкомъ, русскій языкъ замѣнитъ греческій во всѣхъ школахъ Европы. Владиміръ Соловьевъ вытѣснитъ своего учителя Платона, Карамзинъ и Пушкинъ вытѣснятъ Ливія и Овидія. Прежде чѣмъ истечетъ первая половина нынѣшняго столѣтія, славянская культура получитъ всеобщее признаніе“ [1]).

„Сіянье вѣры“ для англичанъ, подходящихъ ближе къ Россіи, есть то, что въ ней всего дороже, что въ ней, по собственному признанію англичанъ, всего нужнѣе имъ самимъ. Тутъ дѣйствительная жажда этого „сіянья вѣры“ отъ Россіи.

Англійскій писатель Хьюгъ Уальполь въ статьѣ „Русскіе и англичане“ выясняетъ громадную духовную потребу Англіи въ Россіи. О „Братьяхъ Карамазовыхъ“ съ ихъ старцемъ Зосимой и православнымъ монастыремъ онъ выражается такъ: „Какимъ драгоцѣннымъ откровеніемъ эта книга сдѣлалась для многихъ англичанъ. Въ Англіи поняли и оцѣнили самое существенное въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“,—ту мистическую русскую стихію, которая должна была бы быть наиболѣе чуждой матеріалистической трезвости утвердившагося въ жизни Джонъ Буля“. Свою статью Уальполь заканчиваетъ настоящимъ призывомъ къ Россіи, хранящей „сіянье вѣры“: „Дѣло русскихъ помочь душѣ англичанъ и прежде всего понять ее,—будущее міра въ ихъ рукахъ“ [2]).

---

[1]) Цитир. по „Бюллет. литер. и жизни“, 1914 г., № 1.

[2]) Х. Уальполь. Русскіе и англичане. „Голосъ жизни“, 1915 г., №10.

Русская культура есть культура христіанская, ибо русскій народъ живетъ вѣрой и не можетъ жить внѣ нормъ вѣры и религіи,—вотъ англійская мысль о Россіи. На открытіи общества „Друзей Россіи“ въ Лондонѣ, О'Коннеръ публично формулировалъ эту мысль своей страны: „Русская культура безконечно выше германской, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ не только научную и умственную культуру, но и культуру чистаго христіанскаго идеализма. Русская культура—*культура сердца и души*“ [1]). Это общее воззрѣніе, преисполненное личной жажды „сіянье вѣры“, звучитъ настоящимъ воплемъ западно-европейца къ Россіи въ устахъ англійскаго писателя Стифена Граама, бывавшаго въ Россіи: „Безъ молитвъ Россіи Западная Европа погибла бы! Святая Русь —это наше примиреніе съ Богомъ!“ Не русская культура сама по себѣ привлекаетъ европейца, не русское искусство, не русская литература сама по себѣ,—и культурой, и искусствомъ, и литературой богаты на Западѣ,—привлекаетъ Западъ въ Россіи и русскомъ народѣ *сіянье вѣры*.

Въ чистомъ видѣ, въ видѣ уже прямо-религіозной жажды, жажды Бога, сквозитъ это въ замѣчательномъ признаніи знаменитаго англійскаго романиста Герберта Уэллса, посѣтившаго Россію въ началѣ 1914 года. Если не знать, что это пишетъ англичанинъ, міровой писатель, можно бы думать, все это вышло изъ-подъ пера славянофила. „Россія и Англія“—озаглавилъ Уэллсъ свою статью, помѣщенную въ виднѣйшихъ англійскихъ газетахъ. Задаваясь вопросомъ, въ чемъ отличіе русскаго отъ англичанина и вообще европейца, Уэллсъ приходитъ къ заключенію, что оно „въ глубокой религіозности русскаго. Италія изобилуетъ благородными и красивыми церквами, потому что итальянцы — художники и зодчіе; церковь составляетъ существенную основу англійской

[1]) См. „Русс. Вѣд.“, 1915 г., № 18. Статья Діонео.

соціальной системы, но Москва сіяетъ почти двумя тысячами крестовъ, *потому что народъ русскій органически христіанскій.* Я чувствую, что *въ Россіи впервые въ жизни я нахожусь въ странѣ, гдѣ христіанство еще живо*.. Люди, которыхъ я видѣлъ осѣняющими себя крестнымъ знаменемъ, проходя мимо церкви, цѣловавшіе мощи въ Успенскомъ соборѣ, грязный, непричесанный строголикій богомолецъ, молчаливо стоявшій у колонны въ томъ же соборѣ, съ его оборванной котомкой за спиной,—не знаютъ себѣ равныхъ въ Англіи. Въ сравненіи съ Россіей Англія абсолютно иррелигіозна. Англійскія церкви на нашихъ городскихъ улицахъ стоятъ какъ будто въ сторонѣ отъ жизни и совершенно забытыя. Соборъ Св. Павла высится надъ Лондономъ, словно забытая бездѣлушка въ полномъ суеты домѣ. Если же вы войдете въ него, вы услышите наипрекраснѣйшую музыку и наивнимательнѣйшую аудиторію,—такъ какъ это—аудиторія, а не паства,—но ни намека на молитву. Душа русскаго точно такъ же, какъ его церкви, окрашена и соткана изъ болѣе яркихъ, примитивныхъ, болѣе убѣдительныхъ красокъ. Его религія реальна, его монархія реальна, его жизнь—сплошной страстный самоанализъ, самоугубленіе, такъ какъ онъ одаренъ вѣрой. „Россія полна вѣры, преисполнена вѣры, мурро и благовонное масло проступаетъ всюду“ [1]).

Кто пишетъ это? Человѣкъ православнаго сознанія и русской души не могъ бы сказать болѣе прекрасныхъ и глубокихъ словъ о своей вѣрѣ и народѣ своемъ. Жажда такъ же вѣрить, какъ вѣритъ русскій народъ, „одаренный вѣрой“, съ тою же полнотой, святая зависть къ Россіи, — вотъ что особенно волнуетъ въ проникновенныхъ словахъ Уэлльса. Не въ правѣ ли былъ Хомяковъ за семьдесятъ слишкомъ лѣтъ до явнаго обнаруже-

---

[1]) „Русскія Вѣд.“, 1914 г., № 23. Перев. съ рукописи М. Ликіардопуло.

нія этой благой жажды и святой зависти, посылать Россію къ ея брату Западу съ напутствіемъ —

Сіянье вѣры имъ пролей?

Вотъ они хотятъ этого сіянья, вотъ они просятъ этой вѣры. Они сами предуказываютъ Россіи важнѣйшее дѣло ея призванія — „всѣ народы обнявъ любовію своей", научить ихъ единомысленному исповѣданію вѣры. До этого еще безконечно далекъ путь Россіи, но она исполнитъ свое призваніе лишь при томъ условіи если не свернетъ никуда съ этого пути, если, уставая, падая и вновь вставая, будетъ непоколебимо итти по нему. Первое же и главнѣйшее условіе для этого—ей самой любить больше жизни своей и хранить свою безцѣнную лампаду, съ которой, даже на взглядъ Запада, каплетъ благоуханное мурро вѣры, — хранить свое православіе, быть *православной Россіей*.

Грозное время великихъ истытаній переживаетъ Россія. Ея ликъ въ слезахъ, но чистъ и ясенъ ея взоръ: онъ свѣтится вѣрой—не въ себя, не въ свои силы: въ Божью волю, въ Божью силу.

Исполнилось слово поэта, обращенное къ „раскаявшейся Россіи": „не въ пьянствѣ похвальбы безумной, не съ звономъ чаши круговой" встрѣтила Россія годину тяжкаго испытанія. Вѣримъ, исполнится и все остальное, предсказанное поэтомъ:

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой, —

Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты,

О, Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ, —

Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!

Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ чѣломъ!

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ТВОРЧЕСКАЯ МЫСЛЬ“.

А. Пуанкаре, членъ Академіи Наукъ, проф. Парижскаго университета.—**Наука и гипотеза.** Перев. А. Бачинскаго, Н. Соловьева и Р. Соловьева. Съ портр. автора и предисл. проф. Н. Умова. Цѣна 1 р. 50 к.

Гаральдъ Гефдингъ.—Философскія проблемы. Пер. Р. Соловьева. Цѣна 60 к.

А. Лиштанберже, проф. университета въ Нанси. — **Рихардъ Вагнеръ, какъ поэтъ и мыслитель.** Перев. С. Соловьева. Цѣна 2 р.

Сборникъ по философіи естествознанія. Статьи А. Бачинскаго, проф. В. Вернадскаго, проф. И. Огнева, Н. Соловьева, проф. Н. Умова, А. Щукарева. Ц. 1 р. 25 к.

Р. Соловьевъ.—Философія смерти. Съ портр. автора. Цѣна 75 к.

А. Пуанкаре.—Цѣнность науки. Перев. подъ редакціей А. Бачинскаго и Н. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Г. Гефдингъ.—Понятіе воли. Перев. подъ редакц. Н. Соловьева Цѣна 30 к.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Н. Соловьевъ.—Религіозный элементъ мысли. Цѣна 20 к.

Г. Бело, А. Дарлю, А. Лиштанберже и др.—Этюды моральной философіи XIX вѣка. Перев. подъ ред. Н. Соловьева и І. Линдемана. Цѣна 1 р. 50 к.

Оливеръ Лоджъ.—Жизнь и Матерія. Критика „Міровыхъ Загадокъ“ проф. Геккеля. Перев. С. Розанова подъ ред. и съ предисл. Н. Соловьева. Цѣна 1 р.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Эмиль Бутру. — Вильямъ Джемсъ и религіозный опытъ. Перев. подъ ред. Н. Соловьева. Цѣна 30 к.

Эмиль Бутру. — Наука и Религія въ современной философіи. Перев. подъ ред. Н. Соловьева. Цѣна 2 р.

К. Леонтьевъ.—О Владимірѣ Соловьевѣ и Эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ). Цѣна 30 к.

А. Г. Табрумъ. Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ. Перев. подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. М. Соловьева. Цѣна 1 р.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Н. Соловьевъ. — „Научный“ атеизмъ. Сборникъ статей о проф. Геккелѣ, Мечниковѣ и Тимирязевѣ. Цѣна 60 к.

Признана Уч. Ком. Мин. Нар. Просвѣщенія заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

С. Дурылинъ. Ликъ Россіи.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Москва, Пименовская, с. д.

Того же автора:

Начальникъ тишины. (Въ Оптиной пустыни и у стѣнъ невидимаго града Китежа въ дни войны.) Изданіе „Религіозно-философской библіотеки“. М. 1917 г.

Градъ Софіи. Царьградъ и св. Софія въ русскомъ народномъ религіозномъ сознаніи. Кн-во И. Сытина. М. 1915 г.

Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. Кн-во „Путь“. М. 1914 г.

Рихардъ Вагнеръ и Россія. О будущихъ путяхъ русскаго искусства. Кн-во „Мусагетъ“. М. 1913 г.

За полуночнымъ солнцемъ. По Лапландіи пѣшкомъ и на лодкѣ. Очерки. М. 1914 г.

Цѣна [redacted] р.

Тип. И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К° Москва.